

Битва, сражение... война.

Элино́р Фа́бре

Стихи, верлибры, рассказы и вообще все эти литературные штучки, которые используют писатели и графоманы, - это, на самом деле, не по природе Элино́р шло, а как-то далеко и, кажется, даже параллельно девушке. По этой части нужно к Хёну ходить, сама Фабре себя в ценители литературы даже ради прикола не записывала. А вот Матвей, спиногрыз такой, в эти ценители её записал. И ещё бонусом обязал прийти в беседку, чтобы и дальше ценила, в частности стихи, а не всю литературу целиком и полностью. Отговорки, которые получились какими-то тихими и робкими, что она всё это не ценит и не уважает, и знать почти не знает, что это такое и как оно вообще получается, были грубо и жестоко смяты и выброшены в урну, мол, "А я сказал - уважаешь". Даже спора, короче, не было, пойдёт Фабре слушать стихи или не пойдёт.

Элино́р, конечно, чтоб непредсказуемым образом не облажаться и чуть-чуть хотя бы оценить всю прелесть, что должна на неё свалиться, допрашивала Хёна, долго и мучительно, что такое стихи, потом не слушала объяснения, переспрашивала, снова не слушала, а дальше уже как-то время поджимало, и пришлось наспех всю информацию, не вылетевшую из уха только потому, что застряла, склеить и куда надо поместить. Плохо подготовленный - всё равно подготовленный. Сразу зацепиться и не за что.

Слушать стихи Элино́р уже приготовилась, в назначенное место пришла, а Матвея - нет. И вообще никого нет.

Вот и сидит теперь, надувшаяся, и пытается придумать двестишье хотя бы, посвящённое тому, какой Болотов, скажем, гад, что опаздывает, и какие вообще все гады по той же причине. То, что это, вообще-то, она просто раньше пришла, Фабре за оправдание всех остальных не посчитала и благополучно об этом забыла. А если бы кто-то и попытался ей на это указать, то в ответ получил бы негодование, что приходить надо раньше, так давно уже устаканилось в народе.

Аурел Виеру

Поэт из Аурела всю сознательную жизнь был весьма приблизительный. Можно даже сказать, уровня "поэт на салфетке", когда все написанное никому не показывается, на свет никогда не выносится и даже в стол не отправляется, а исключительно остаётся дымиться и тлеть в пепельнице в том же кафе, где оно и породилось. Зачастую румын и свести рифму в стихотворении мог, только развалив и перетянув длину строк, из-за чего стихотворение становилось похоже на психованную гармошку: тут широко, там узко, а здесь вообще баян вот-вот порвется. И что с такими небогатыми творческими способностями побудило юношу принять вызов, было не вполне отчётливо ясно.

Вызов, кстати, и брошен был своеобразно. Парень, который слонялся по монастырю и всем, кто рифмовать умеет, предлагать "забить баттл", определённо запоминался - агрессивно-угловатый, с далеким от дружелюбного оскалом улыбки, но при этом удивительным образом не злой, с едва уловимой ленцой в словах и жестах. Но подкупила, откровенно говоря, не личность приглашавшего и не манера, в которой вызов был сформулирован - просто Аурел в тот день так по-чёрному бесился от того, что почти ничем не заполненные дни похожи на провалы, что согласился бы

идти, даже если бы его позвали ласточкой прыгать с обрыва. А тут, смотрите-ка, мероприятие неожиданно мирное. Всего-то предложили помериться, кто лучше рифмует.

К беседке, назначенной местом конфликта, Аурел пришёл примерно вовремя, вооружённый парой листов бумаги и огрызком карандаша - салфеток для записи грядущих "нетленок" вовремя сыскать не удалось, но салфеткозаменители определённо требовались. Матвей, послуживший источником вызова, сам пока на назначенном месте отсутствовал. Зато на перилах уже сидела и отчётливо дулась рыжая девушка - вспомнив, как они с Матвеем договаривались позвать людей, которые определяют, кто словоблудит лучше, Аурел, нехитро сложив два и два, пришёл к выводу, что эта девушка, видимо, должна быть секундантом со стороны Матвея. И, усаживаясь прямо на дощатый пол беседки, дружелюбно кивнул девушке: - Что, и тебе сюда согнали? Эта злая панда всем жить спокойно не даёт?

Матвей Болотов

Рассуждать о том, что выделенный Болотову на раздаче ништяков талант оказался несовершенно и ущербным, имело смысл, тогда когда в ближайшем окружении находился кто-то конкурентоспособно гениальный. Когда же народ вокруг усердно претендует на то, что слово "рифма" им знакомо исключительно смутно и вообще они все могут быть критиками, но никак не творцами - предаваться самокритике и вовсе не имело никакого смысла. Напротив, требовалось срочно самоутвердиться - но опять же, в условиях всеобщей, почти опвальной непричастности к творчеству эта задача оказывается не из легких.

Первым делом Матвей разузнал, что стихи вроде как пишет один из мастеров - но переть грудью сразу на мастера даже и Болотову с его основательно развинченным чувством меры показалось слишком уж наглым действием. Парень ограничился тем, что шатался по монастырю и допрашивал всех учеников подряд - мол, кто рифмачит втихаря и готов этим мощным рифмачеством с Болотовым потягаться? Народ опять же долго отнекивался, но Матвей допрашивал и вслушивался в ответы внимательно. И в оброненное румынским парнем согласие вцепился клещом. Тут же договорился об условиях проведения поединка, о месте-секундантах-и-всяком-таком-прочем, затем деятельно отловил Элинора, как единственное в монастыре знакомое лицо, и ей тоже всю эту информацию бодро слил. А ты, мол, женщина, давай приобщайся к современной литературе и вообще давай будь моим секундантом. И на этом подготовку к дуэли со своей стороны Болотов гордо посчитал оконченной.

Когда Матвей к назначенному времени (ну, может, с легким опозданием) подгребает к беседке - Элинора и Аурел уже там сидят, взъерошенные, как беспокойные воробьи. И вроде как друг с другом сплетничают - во всяком случае, какие-то такие обрывки до слуха парня долетают.

- А злая панда все слышит, между прочим, - беззлобно скалится Матвей. Разваливается на скамейке и окидывает критическим взглядом сперва Аурела, потом Элинора: - А ча это вы так рано примчались? Тут предтурнирный банкет был, а я и не в курсе? А ча, на скамейках сидеть уже не модно? Выпендриваемся помаленьку?

Джулиет Диас

Ничего нового окружающим Джулиет, пожалуй, не сообщит, если скажет, что она не

поэт. И даже не критик. Просто заглянувшая по просьбе друга на огонек подруга. Поэтому ждать от нее сторогой критики на поэтическом поединке бессмысленно - бразильянка почти наверняка только тем и будет заниматься, что покрываться матовым румянцем и говорить "ой, как здорово, ну надо же!", даже не пытаясь вникнуть глубже и отличить, скажем, хорей от дактиля и все такое прочее.

Казалось бы, с таким набором знаний в судьи рваться не следует - да Диас, в общем-то и не рвется. И решение об участии в мероприятии девушка принимала сама. Просто вдруг на пороге комнаты возник Аурел - и очень настойчиво, архинастойчиво попросил побыть в этом мероприятии его "секундантом".

Дружба у Джулиет и Аурела необычная, дико начавшаяся и странно протекающая. Такая, где можно, не стесняясь и не таясь, размазывать по чужому плечу слезы вперемешку с соплями и не опасаться, что завтра выплаканные и выстраданные откровения разлетятся по монастырю птицами-сплетнями. Такая, где можно в самом неожиданном деле попросить помощи и не получить отказ - вот и в этот раз, когда Аурел возникает со своей внезапной просьбой, Диас давится удивлением, но отвечает все равно четким "да", не пытаясь сфальшивить ни в одной букве.

К беседе бразильянка подходит с легким опозданием. И, торопливо пересчитывая взглядом уже собравшихся людей, понимает, что она последняя и все только ее и ждут. Смущенно вздергивает плечи, негромко здоровается, проскальзывает в беседку - и не находит ничего лучше, чем, смятая юбку, тоже сесть на пол, рядом с Аурелом. Джулиет кажется, что представители одной стороны должны держаться вместе, даже если поединок несерьезный и дружеский.

Элинор Фабре

Серьёзно и надёжно надуться, а также придумать хотя бы какое-нибудь совсем квёлое двестишье на тему гадов и Матвеев Элинор не успевает, потому что все остальные, которых тут уже собрались проклинать так, что должен в результате узел из языка завязаться, каким-то магическим совершенно образом понимают, что спешить вообще-то надо, и, впрочем, спешат. Один за другим, змейкой почти, приходят в беседку, давая наглядеться на одного нового человека всего минуты две от силы, уже посылая ещё кого-то.

- Эта злая панда даже с мнением других не считается, - охотно жалуется Элинор, сразу посвящая нового и миленького очень знакомого в то, что она тут совсем плоха и ужасна, не собираясь. Своей доверительной жалобой девушка пытается тыкнуть в Матвея укором, чтобы покаяться. Её ведь, по сути, и правда сюда "согнали", вот и не сказать по-другому даже.

Когда приходит, вроде как, последняя особа, то девушка с удовольствием замечает, что на скамейках сидеть, видимо, и правда уже не модно, и что на колкий вопрос можно ответить даже, да ещё и вполне хорошим таким, не скомканным и отстойным ответом, что она и делает. Ещё Элинор упорно кажется, что не одна она такой секундант, который в делах ничего не понимает и понимать толком не особенно собирается. Что же именно ей упорно это говорит, - интуиция, которая, по поверьям, у женщин встроена попадать в самую точку или яблочко, или надежда, что она тут не единственная почти ничего не понимающая дурочка - девушка решила не заморачиваться. Можно пока что свято и бессовестно уверовать, что она в своей неосведомлённости не одинока, а дальше уже как получится.

- Ты давай тогда тоже на перила залезай, чтобы вместе держаться, пример с других бери, - предлагает Элинор, сама слишком удобно устроившаяся, чтобы не поленилась скатиться на скамейку рядом с Матвеем. И обдумывает, как бы так

незадачливо и случайно боднуть Болотова, который и так совсем рядышком, в спину босоножкой и при этом не получить в ответ какой-то новый колкий достаточно вопрос.

Аурел Виеру

- Ну, если бы эта панда была доброй, то она являлась бы самым обыкновенным представителем своего вида. Пушистым и плюшевым. А так наш монастырь является счастливым обладателем единственной злой панды на всю тибетскую фауну, - пожал плечами Аурел, в целом не находивший своего нового знакомого архизлобным и тотально неудобоваримым. Своеобразная и часто неделикатная манера общения - это ещё не признак главного злодея улицы и её окрестностей.

- Предпочитаю быть ближе к земле. Родимая держит крепко! - мотнул было головой румын, отказываясь тем самым переползать на более высоко расположенную горизонтальную поверхность. И только потом сообразил, что допустил стратегическую ошибку, с Элинор хором. Матвей производил впечатление человека, который вывернется ребрами враспырку, но последнее слово оставит за собой - а тут у него это самое слово так бесцеремонно отобрали. Тут, пожалуй, война за последний аккорд предвидится, а начало дуэли отодвигается на неопределенный срок.

Присевшую рядом с румыном Джулиет, как всегда, карамельно-обаятельную и беззащитную, Аурел сперва поприветствовал коротким кивком головы, в который раз мимоходом жалея, что не такие у них с бразильянской нежные отношения, чтобы можно было при встрече целовать девушку в тугую смуглую щеку. Но почти тут же румын встрепенулся и с укором спросил: - Эй, ты что делаешь? Куда на пол села? На холодный? - и, лишний раз выражая своё неодобрение такому поступку бразильянки, Аурел легонько толкнул Джулиет коленом. - С ума сошла? Ну уж нет, давай поднимайся. Для кого тут скамейки по периметру понатыканы, а? - улыбнулся Аурел. И коротко толкнул девушку коленом ещё раз: мол, подъем-подъем, нечего морозить нижние девяносто.

Матвей Болотов

- На перила? Ага, щас, уже лезу. Только сначала подушку постелю, чтобы заноз задницей не нахватать. Ча мне, делать больше нечего? - тягуче парирует Матвей, ощущая, как под ребрами вовсю колотится дух противоречия. Вот если бы все чинно сидели на скамеечках, сложа ручки на коленях - вопросов нет, Болотов бы полез на перила первый, да с криками, что оттуда лучше видно, ибо "высоко сажу, далеко гляжу". Но поскольку одна бесовка оседлала перила, а второй чёрт и вовсе развалился на полу, то Болотову в качестве противодействия остаётся только путь общественно одобряемый, сидения ровно на скамейке. И отстаивать его Матвей готов до последнего издыхания. - Чи скамейки для того придуманы, чтобы вы от них жопы воротили?

Впрочем, ответную пропаганду парень сворачивает, как только в беседе появляется секундант Аурела. И протяжным свистом выражает девочке своё восхищение, пристально разглядывая выгодно подчеркнутые юбкой длинные смуглые ноги и выставленные на всеобщее обозрение красивые колени. Матвей, конечно, подозревал, что у смазливой румыны и подружки должны быть все как на подбор хорошенькие - но столь наглядной демонстрации этого тезиса никак не ожидал. Такие роскошные ноги - это, признаться, уверенная заявка на победу. Закончив рассматривать девичьи колени, Матвей разглядывает прилегающее к

этим коленям горящее румянцем смуглое личико. И опять же результатом осмотра остаётся весьма доволен.

- Ну так ча, дамы? Кто первая будет нам тему для графоманства задавать? Самая крикливая чи самая красивая? - интересуется Матвей, даже ради прекрасных девушек не пытаюсь смягчить грубое звучание исковерканных слов. С вызовом коротко зыркает на Элинора, а потом переводит пристальный взгляд на смуглую подружку Аурела, подчеркивая, что вот лично Болотов уже выбрал, от кого хочет первую задачу слышать.

Джулиет Диас

Джулиет, кажется, появляется в беседке аккурат в разгар какого-то спора, вряд ли очень важного, но от этого не менее невероятного. И, пытаюсь по возможности не вмешиваться и остаться более-менее незамеченной, внимательно вслушивается в чужие реплики, стараясь определить, о чем белые господа изволят спорить. Но рассеявшийся на скамейке парень, светловолосый, взлохмаченный и с запавшими серыми глазами в окантовке тёмных кругов, уже изволит разглядывать бразильянку, а точнее, её ноги, да столь пристальным образом, что поневоле неловко становится. Диас не считает, что лучшее в ней - это её длинные ноги, но вынуждена признавать, что это и впрямь самая анатомически выдающаяся часть её тела.

В общем, Джулиет от такого внимания не столько млеет, сколько жестоко смущается. И пытается сесть так, чтобы Аурел её максимально заслонял - а румын именно в этот миг решает проявить несколько неуместную сейчас о девушке заботу. И требует, чтобы Диас пересела на скамейку.

- Сам на чем сидишь? Не на холодном полу? - с мягкой улыбкой возражает Джулиет, но послушно встаёт и пересаживается на скамейку. Вновь натывается на пристальный взгляд живописно разукрашенного недосыпом парня - и, решив, что пусть уже смущается кто-нибудь другой, а лично с неё хватит, исполняет смертельный номер имени Шарон Стоун, эффектно закидывая ногу на ногу.

- А? Тему? - спохватывается Джулиет, припоминая, что Аурел и впрямь что-то такое рассказывал, когда звал судействовать. - Ну... может быть, что-нибудь про летний дождь? - и бразильянка вопросительно смотрит на свою рыжую коллегу - вдруг та пожелает тему подкорректировать или и вовсе изменить в корне?

Эмиль Давенпорт

- Морды друг другу бить будут! - безапелляционно решил Эмиль. - А девчонки, которые по бокам сидят, это эти, чирлидерши!

Правда, Эмиль не уверен, что он знает, что означает эффектное слово "чирлидерши". Но звучит оно невероятно круто. Рокошет, как надвигающийся поезд, попробуй с таким пободайся. И однозначно стоит того, чтобы задвигать его в беседу. Про какую-то невнятную дуэль Эмиль подслушал чисто случайно - когда семенил за Аурелом, пытаюсь догнать маминого ученика и рассказать ему какую-то сногшибательную новость. А там как раз и выскочило это. Лохматое. И начало вызывать на дуэль. Миль от таких событий аж присел, разом растерял все заготовленные новости - и со всех ног помчался искать Романо. Рассказывать, что вот, блин, какие дела, блин, творятся в монастыре, блинский блин!

Романо, однако, ни на какие вопли не отозвался и из дома не вышел, только корчил страшные рожи из окна. Потом вышла Кристина и объяснила, что её младший братец за какие-то там грехи наказан (то ли подпалил в доме что, то ли просто дурень) и прогулки ему в ближайшие пару дней не светят. Тогда Миль, не

расстраиваясь и особенно не заморачиваясь, Кристину и пригласил смотреть на дуэль. Она хоть и девчонка, но относительно взрослая и вроде как умная. Могла и оценить.

Дуэль оказалась назначена возле беседки у ручья. Точнее, почему-то в самой беседке. Эту местность Эмиль благодаря их с Фельтином и Дарси драконьим игрищам знал неплохо и уверенно указал место в кустах, куда можно безнаказанно залечь. И теперь Миль с Кристиной дружно там залегали. И тихонько, шепотом обсуждали и комментировали происходящее в беседке. Шепотом - чтобы их никто не запалил и из кустов не вынудил. Такой провал в планы не входил.

Кристина Рейс

Залегать в кустах на пузе - это, с одной стороны, удовольствие ещё то. И похвастаться после таких подвигов чистым платьем и аккуратной причёской редко кому удаётся. Но с другой стороны, подглядывать и подслушивать - это всегда интересно, хоть и всегда невежливо. А когда рядом есть собеседник, с которым можно поспорить по поводу происходящего, интерес тут же возрастает в разы. С Эмилем, на взгляд Кристины, спорить было вполне себе можно. Главное, чтобы блондинистый мальчишка в запале орать не начал. Потому что тогда всю контору накроют и ликвидируют.

- Сам ты... чилдерша! - огрызнулась Крис, понятия не имея, что это слово означает, но заранее уверенная, что ничего хорошего. - В юбке - это Джулиет, моя тетя! И она очень хорошая! Чего ты обзываешься? И вообще, что за тяга к мордобойу? Может, они ментальной магией будут сражаться. А девушки, это лекари. Пришли следить, чтобы никто никого в мозг слишком сильно не ужалил.

В свою версию Кристина верила намного больше, чем в Эмилеву. Хотя бы потому, что ногами особенно не помашешь, когда скамейки мешаются со всех сторон. А вот атаковать друг друга ментально - это получится без проблем. Каэтана вот вроде этим всем увлекалась и пыталась овладеть, и папа вроде как тоже в этой тонкой науке кое-что смыслил. Другое дело, что ментальная дуэль - занятие нединамичное. Следить там особо будет не за чем. И в этом плане версия Кристины, конечно, кругом провальная и нежелательная.

Элино́р Фа́бре

- Да на Тибете нынче чего только не водится, единственного и неповторимого, - соглашается Элино́р. Корейских ушастых ежей, вроде, тоже свет много не видывал, а такие ведь - есть. Один экземплярчик девушка почти каждый день видит, хотя и в человеческом облике обычно.

Одной сидеть на перилах сначала кажется перспективой кошунственной и неважной, из-за чего уже все присутствующие рассматриваются как возможные соседи. В итоге на роль никто не подходит, но только не из-за того, что вот ни с кем из присутствующих делить перила не хочется - Элино́р бы только и рада, если секунданта Аурела или сам Аурел присоединятся перила ломать. Просто румын уже, приглашение приняв на себя, отказался, а девушку и так заморочили пересаживаться повыше - а если она и на перила полезет, если захочет, конечно, то можно и на крышу звать, чтобы продолжить цепочку пересадок.

Элино́р даже подумывает о том, чтобы всё-таки самой скатиться на скамейку, но на ней Матвею компанию составила уже бразильянка, и этот вариант жестоко

откидывается в небытие - там её даже не заметят, на красавицу смуглую плясь. А с перил можно много чего увидеть со здорового вообще ракурса и не напрягаясь: например, как Аурел эту красавицу смуглую мягко толкал коленом, или же как всё та же смуглая красавица за Аурела пыталась спрятаться. Смотреть Фабре предпочитает исключительно на румына и его подругу - Матвей, он и так рядом совсем, никуда вроде не собирается и ничего почти не делает, кроме как ворочает языком и строит грубоватые фразочки.

- Да ничего я и не крикливая, - возмущается Элинон и легонько пинает таки Болотова в спину - незатейливо и случайно в итоге, конечно, не получается, но результатом французенка остаётся вполне довольна. На предложение Джулиет девушка соглашается, кивая ей головой, не собираясь, впрочем, даже как-то дополнять или менять тему. И ей почему-то хочется, чтобы Аурел сочинил что-то тёплое и радостное, а Матвей, наоборот, - холодное и тоскливое. Но это уже так, предпочтения и ограничения пошли, которые при себе лучше оставить - французенка вообще в обиде на такой явный недостаток внимания, будет молчать и дуться.

Аурел Виеру

- Но-но, стрелки не переводи! - усмехнулся Аурел. И демонстративно растянулся на полу у ног бразильянки, не преминув поправить девушку: - Я лежу! А лежать на холодном - это закаливание!

Ну, и плюс бесценное умение подтасовывать и передергивать факты. На таком навыке можно уехать очень далеко, если постараться, и переплыть весьма многие лужи, в которые по причине своей же близорукости и плюхнулся.

- А лёгких тем ты специально не ищешь, да, хорошая моя? - улыбнулся Аурел, глядя на Джулиет снизу вверх и одним глазом. С надеждой покосился на Элинон - может, та пожелает задание слегка видоизменить? - но никаких коррективов не дождался и с обреченным видом подтянул к себе бумагу, вооружившись огрызком карандаша. Словосочетание "летний дождь" упрямо желало вызвать в мозгу ванильно-плачущие и тошнотные ассоциации, от которых румын отмахивался всеми четырьмя конечностями. По мнению парня, лучше способа слить эту дуэль, чем построить стихотворение на ворохе замысленных и замасленных штампов, просто не существовало. Аурел попытался дополнительно усложнить самому себе задачу, бегло расчертив на листе тяжелую для построения форму стихотворения и уповав на то, что мозг от такой работы разомнется и перестанет выдавать на-гора кучу затертой ерунды. И оно, что самое удивительное, вроде как работало.

Завершив возню со своим творчеством, Аурел вопросительно взглянул на Матвея - мол, ну, кого первого швыряем на амбразуру? - и, убедившись, что трепетное право сдаваться первым соперник не оспаривает, негромко зачитал со своего уже основательно исчерканного черновика:

*В этой реальности каждое лето я помню как дождь,
Помню градом упругих "за что?", "почему?" и "как долго?",
Вместо истины пляшет под сердцем синдромная дрожь -
Подгоняй её блещущей стаей вопросов-иголок.
Если лето сольется с весной, забывая тепло,
Если осени станет сестрой, в водопад переплавясь,
Я раскрою ладони - согреть ледяную усталость,
Нашептать ей, что снова когда-нибудь станет светло.*

*Хоть надежд нестареющий лик утопично хорош,
В канцелярии неба - сантехника сношена напрочь
И подтеков оскал не исправить, не высушить за ночь,
Небосвода провал с Марианскою впадиной схож.
Год разорван на воду и лёд хороводом осадков.
В этой реальности каждое лето похоже на дождь.*

Сопровождать чтение ремарками вроде "ну вот, вышла тут такая фигня, а вы уж не сердчайте, послушайте" Аурел посчитал глупым, смешным и детским - но в глубине души, откровенно говоря, примерно так себя и ощущал. И совершенно не был уверен в силе собственных стихов - а судя по уверенной физиономии Матвея, наличие плотной, крепкой силы этим строчкам ой как не помешало бы.

Матвей Болотов

Самая красивая не ломается, от титула не отказывается, не выпендривается на пустом месте и вообще ведёт себя так, что любо-дорого, многим девушкам бы у неё поучиться. Но при этом смуглая красотка ухитряется в качестве противопехотной мины подложить состояющимся поэтам совершенно неудобоваримую тему, ну просто клейма ставить негде, какая дрянь.

- Дождь? А ча именно летний, осенний мы все презираем за глухой и беспросветный депресняк? - колко интересуется Матвей. Тут же зарабатывает от Элинор ощутимый пинок под лопатку, связывает этот втык совершенно не с тем вяком, с каким следовало бы, и поспешно исправляется: - Не, ну дождь так дождь! Осилим и эти дебри! Ча мы, немощные рифмоплеты какие?

Над строчками Матвей думает не слишком долго, вытягивая в строку едва ли не первое, что соглашается зарифмоваться. И очень скоро таким макаром получает двенадцать бодрых, к бою готовых строк. Но пускать их в дело не спешит, а с не обязательной вовсе вежливостью зачем-то уступает Аурелу право первой декламации. Как оскорбленной стороне, видать.

И весьма неплохо огребаёт по зарвавшейся наглой морде чужими четырнадцатью. Что в него сразу швырнут такую тяжелую артиллерию, как сонет, Болотов не ждал вообще никаким боком. Потому что сонет - это же фу ваще, переоцененная форма со сбивающимся узором рифмовки в конце, который на тят-ляп не сопоставить, а нужно сидеть и вымучивать. Аурел, тем не менее, каким-то магическим поистине образом ухитрился успеть необходимый мученический обряд пройти и запутанную рифму на последних строках получить. Так что Болотов уже готов вот-вот уверовать в то, что первый раунд за румыном - но лап без борьбы не опускает и с нажимом зачитывает своё скоропостижное творение:

*на меня обрушивается небо -
не подставить плечи и не спасти.
небосводом раньше придавлен не был,
и теперь мне с небом - не по пути.
на меня обрушиваются слёзы -
не краснеют сотни небесных глаз
и рыдают долго, рождая грозы,
принося потоп и раскисший джаз.
я же не любитель такой погоды,
только летний плач в каждый месяц вхож.*

чем крепить дырявые неба своды?...

на меня обрушивается дождь.

Последнюю точку Матвей вколачивает голосом особенно усердно. И, закончив декламировать, с вызовом зыркает на подрабатывающих нынче судьями девушек, безмолвно вопрошая: ну и ча, кого как расценивать будем? А свои познания в предмете как представим, выпендриваться будем чи приbedняться?

Джулиет Диас

Больше всего Джулиет боится, что предложенная ею тема храбрых рыцарей пера не устроит. И юношам, судя по всему, тема действительно не слишком нравится - оба тут же принимают этот сорвавшийся с языка у Джулиет "летний дождь" комментировать. Аурел - мягко, с улыбкой, беззлобно, Матвей - более колко и жёстко. Пожалуй, если бы не такой своевременный пинок со стороны Элинора, договорился бы и до того, что тема - хрень полная, срочно её менять надо. Диас кивает француженке с благодарной улыбкой и замирает в благоговейном ожидании. Потому что вот сейчас, практически из ниоткуда юноши должны мистическим совершенно образом извлечь стройные и ровные стихотворения.

Пауза неожиданно затягивается, но Джулиет находит это вполне естественным. Стихотворение собственного сочинения - не та монета, которую можно легко и просто достать из кошелька. Диас сидит на скамейке, обняв собственные колени, и терпеливо ждёт. Любым неосторожным словом боится нарушить тишину и спугнуть чужое вдохновение. И наконец парни поднимают головы, кивают друг другу и начинают читать.

Джулиет оказывается в замешательстве крайне быстро. Оба стихотворения - гладкие, текучие, завораживающие, зацепиться толком не за что. Но, поразмыслив, Диас решает, что, во-первых, у Матвея меньше строк, и это можно зачесть как минус. Во-вторых, Аурел пользуется более замысловатой рифмовкой, что идёт стихотворению румьна в плюс. И в-третьих, в стихотворении Матвея некоторые образы словно бы шершавые, а может, и нарочито неаккуратные. Джулиет высказывает всё это и смущённо заканчивает: - Так что мне больше нравится стихотворение Аурела. Прости.

Эмиль Давенпорт

- Чирлиииидерша, - поправил Эмиль, не слишком внутренне возмущившись тем, как Кристина переврала предложенное мальчиком слово, но все же с радостью ухватившись за возможность лишний раз пощеголять своим умом невероятным. - Это, типа, группа поддержки же! Ты чего, совсем тёмная? Первый раз слышишь?

И эта версия Кристинкина с ментальными атаками - ну чушь же! Тотальная и неумолимая! Эмиль скривился, как от столовой ложки горчицы, всем своим видом показывая, что рассказы про ментальных магов он презирает всей душой. Совсем спятила девчонка. Ментальные маги, они ж вообще другие должны быть. Суровые, бледные и прекрасные. А парней ни под одно из трёх определений не запихнуть, особенно под первое - суровостью тут и не пахнет.

А когда парни после подозрительно затянувшейся паузы, во время которой основательно заскукавший Миль успел, ворочаясь, несколько раз пхнуть Кристину локтем в бок, вдруг начали торжественно читать стихи - Эмиль обалдел окончательно и бесповоротно. Несколько раз ошалело моргнул, протер глаза, потом энергично растер уши - и, убедившись, что ничего не изменилось, свистящим шепотом обратился к Кристине: - Не, ну ты слышала? Во дают! Откуда они упали, а?

Или перегрелись? Слушай, может, мне за врачом сбежать?

Потому что люди, по мнению Эмиля, могут публично читать стихи, не стоя на сцене и не находясь в горячечном бреде только в одном случае - если дело происходит в романе каком. Да и там герои наверняка больные на всю голову, просто успешно симулируют отличное здоровье.

Кристина Рейс

- Дуррррак, - невозмутимо и раскатисто отозвалась Кристина, ничуть не смущаясь от того, что её поймали на недостаточно богатом словарном запасе. По мнению Крис, это было совершенно нормально - чего-то не знать. То, что ты напихал себе в голову кучу определений из словаря, ещё не означает, что ты самый мудрый на районе. Эмиль же вел себя как бородатый профессор, который пришёл в первый класс начальной школы и сказал, потирая руки: "Ну держись, школота! Щас всех переаргументирую!"

В таком свете - Кристи сочла вполне возможным сообщить мальчишке, что он - дурень. И, возможно, сообщила бы Милю ещё что-нибудь столь же занимательное, но тут в беседке перестали молчать и начали нараспев декламировать - а Кристина и рот раскрыла от восхищения. На взгляд девочки, у парней получалось здорово. Жаль только, что из кустов было плохо слышно, и Эмиль ещё под боком постоянно ворочался, пихался и что-то бубнил. Какая с таким соседом может быть литературная обстановка? Да никакой!

- Ничего ты в стихах не понимаешь! Сходи, пусть Романо тебя ещё разок куснет, может, через укус мозги передадутся, - уничтожающе посоветовала Кристина. Села, чкнув при этом Эмиля коленом в бок и, безусловно, отомстив за то, как он елозил локтем ей по ребрам, а потом на четвереньках выползла из куста. Встала, прошла в беседку, села на скамейку рядом с тётей Джулиет и вежливо сказала, отряхивая с коленок налипшую землю: - Здравствуйте. Вы очень хорошие стихи читаете. А можно я тоже послушаю? А то из куста было плохо слышно. Я молча. Спасибо. Вы классные.

Элинора Фабре

А пинок её, как оказывается, воспринимают вообще не по тому назначению - Элинора ужасно опоздала с ним и даже бы почувствовала досаду, если бы назначение не было ещё лучше первого. В том, что Матвей мог бы долго критиковать тему Джулиет, у Фабре сомнений не было, а тут вон как получается - и возмущений больше нет, и... и пинать никого больше не хочется, наверное. Вообще, ужасная привычка - сразу мстить за что-то незначительное. Избавляться надо.

Со своего места Элинора получает честь высматривать, что там вообще пишет Болотов - фраз, конечно, с места не разобрать, но девушка замечает, что особенно много зачёркивать и переписывать парень не собирается. И поэтому, когда Джулиет говорит про все преимущества стиха Аурела перед Матвеем, то теперь уже у Элиноры просыпается желание все эти преимущества раскритиковать. Жгучее такое. Мол, размер не имеет значения, ведь всё ещё надо на уровне выдержать, рифмовки все красивые, не надо тут, зато Болотов с духу такую красоту вывел, а образы разные - это же наоборот хорошо у стихотворений, даже такая тема получается не однотипной. Но, с другой стороны, у Аурела же всё на уровне выдержано даже при том, что на две строчки больше, а писать сходу стихотворение и даже не

редактировать потом - это, наверное, всё же не совсем хорошо. И сложная структура стихотворения, всё же, выигрывает. Ну, короче, раскритиковать преимущества как надо у Элинора не получилось в мыслях, нашлись другие.

- Я тоже думаю, что выиграло стихотворение Аурела, - говорит Фабре. Но видом показывает, что "Мне тут, вообще-то, оба стихотворения понравились, я себя даже плохо секундантом ощущаю".

Можно было бы предположить, что, наверное, её очередь пришла тему задавать. Ну Элинора и предположила. И всерьёз задумалась, что такого можно было бы дать, чтобы на неё критика не полезла, как на "летний дождь".

- А давайте, может, следующей темой будет... ожидание? - заискивающе предлагает Фабре, в свою очередь смотря на Джулиет, мол, корректируй на здоровье, давай, вытаскивай из этой темы годноту. В своих раздумья девушка умудряется пропустить, когда возле Джулиет на скамейке появляется девочка, которой, определённо, тоже происходящее в беседе нравится.
